

М. В. ЛЕСКИНЕН

КОНЦЕПТ “НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР/ ПРАВ НАРОДА” В ЯЗЫКЕ РОССИЙСКОЙ НАУКИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

В статье рассматривается содержание и функционирование концептов «национальный нрав / национальный характер», «нравы», «национальная психология» в различных областях гуманитарного знания в российской науке второй половины XIX в. Они анализируются с точки зрения формирования концепции этничности. В центре внимания – этнографические описания народов Российской империи.

Ключевые слова: история Российской империи XIX в., этничность, национальный характер, нрав народа, этнография в России.

В период формирования этнографии как самостоятельной дисциплины в России, когда вырабатывался ее научный лексикон, предметное поле и методы исследования, “нрав народа” занимал важное место в перечне этнических признаков наряду с языком, физическим обликом и самоназванием, а в спорных случаях мог служить этнодифференцирующим критерием. Еще в характерологических сочинениях романтиков возобладало представление о том, что не все сословия, а только крестьянство является выразителем истинного, «коренного» народного типа. Эта идея получила обоснование и в этнографии, ограничив, таким образом, объект исследования избранной социальной группой, что актуализировало интенсивное изучение всех форм крестьянского быта – «общественного», «нравственного», «материального» и «духовной культуры».

Нрав народа / темперамент

Введение понятия “нрав” в описание этносов не было оригинальным, за ним стояла многовековая традиция. Нрав (характер или психология) народа стал одним из главных элементов в надеждинской концепции народности/этничности, разрабатываемой в 1840-е гг.¹; в градации предметного поля этнографии он также относился к «психической этнографии», а в первой программе этнографического описания Н. И. Надеждина (1847) его характеристика следовала за языком и

¹ Надеждин. 1847. О концепте “нрав/характер” в связи с идеями народности подробно см.: Лескинен. 2010. Гл. 4.

внешним обликом под наименованием «умственных и нравственных особенностей и образования». Понятие «психического склада» («нрава») народа включало «умственные способности, силу воли и характера, чувство своего человеческого достоинства и <...> стремление к непрерывному самосовершенствованию». В пояснении к вопроснику указывалось, что именно необходимо учитывать в этом разделе: «сведения о понятливости, сметливости жителей, о распространении грамотности и характере обучения, об отношении между собой различных групп, о некоторых народных обычаях»². Нрав народа, таким образом, включал умственные способности, нравственные нормы и отступления от них, характер и темперамент. Черты нрава должны были выявляться информаторами так же, как, например, «наружность» или «житейский быт», то есть средствами внешнего наблюдения, а не методом реконструкции.

Главные рубрики и последовательность пунктов программы Надеждина мало отличались от ранних вариантов народоописательных схем XVIII – начала XIX в.³ В ее шести разделах нрав народа занимал пятое место после наружности, языка, домашнего и общественного быта. Сложность фиксации внешних проявлений коллективной психики и, в частности, нрава, а также крайняя неопределенность понятий, использовавшихся в подобных характеристиках, на начальном этапе сбора этнографических сведений, стандартизированном вопросником, не беспокоила Надеждина. Он прямо указывал: «тут не требуется со стороны наблюдающих особенных усилий и трудов, кроме как видеть и замечать, что у каждого будет перед глазами»⁴, однако предостерегал исследователей от возможных трудностей в описании «нравственного быта»: «По сей части сведений нужна особенная тонкость и разборчивость внимания при наблюдениях; ибо здесь идет дело о таких чертах народного быта, которые, при крайней сложности и взаимной между собой перепутанности и слитости, чрезвычайно беглы и изменчивы, так что их трудно и уловить. <...> А еще нелегко и передавать замечаемые оттенки нравственного и умственного сложения людей с той верностью и отчетливостью, какая требуется для выводов науки»⁵.

Задачи этнографического описания, поставленные перед собирателями сведений по данной программе, становились еще более трудновы-

² Цит. по: Рабинович. 1971. С. 39.

³ Подробно об этом: Лескинен. 2010. Гл. 1.

⁴ Часть этнографическая... 1852. С. 23.

⁵ Там же. С. 27.

полными, если учитывать и другие требования. Например, полагалось желательным, чтобы «собиратель указывал, <...> как далеко простираются замеченные им отличия, где именно они начинаются, где прекращаются, или же где только видоизменяются»⁶. Как возможно было ответить на эти вопросы наблюдателю, впервые оказавшемуся в новом и малоизученном до него регионе, оставалось только догадываться. Если учесть, что главным методом сбора этнографических данных в экспедициях было наблюдение и описание (в прямом и переносном значении — как активное использование зарисовок с натуры), то можно предполагать, что указанное Надеждиным выявление границ отличительных свойств, в том числе и касающихся нрава, могло осуществляться только визуальными методами.

Сведения о «нраве» народа содержались во всех программах вплоть до 1890-х гг. Характеристика «умственных и нравственных свойств» включалась в разные «отделы», но четкого разделения свойств, присущих только уму или только нраву, не было. Иногда они рассматривались вместе, но под каждым из них подразумевались различные сферы проявления человеческой природы: например, «быстрота ума», темперамент, общительность, моральные нормы и т.д. могли в равной степени вступать и как умственные, и как нравственные «способности». Надеждин считал, что нравственный облик народа определяет состояние его цивилизованности, и устанавливал его через сходства с привычными для русского наблюдателя нормами — моральными, правовыми и даже эстетическими. Надеждин подразумевал под «умственными склонностями» «объективные» свойства, такие как, например, сметливость, изобретательность и, в частности, скорость («быстрота») речи, а под «нравом» — те особенности проявления темперамента и выражения чувств, которые передаются из поколения в поколение традицией, идеалами и нормативными установками культуры (позитивные (кротость) и негативные (страсти)). Именно «врожденность» нрава и передача его «по крови» делала характеристику научно-объективной, вновь возвращаясь к природно-обусловленным признакам этноса, и именно это отличало при строгом словоупотреблении «нрав» от «характера».

Если в статье Надеждина умственные и нравственные способности указывались в нерасчлененном единстве, а понятие «психическая этнография» включала проявления этих свойств в обрядах, материальном быте и психических реакциях, то категория «нравственный быт», вклю-

⁶ Дабижя, *Метлинский*. 1854. С. IV.

ченная в Программу 1852 г.⁷ (структура этой части не подвергалась изменениям вплоть до 1890 г.⁸), была более детализирована. Этот пункт содержал описание элементов «духовной природы»: умственные и нравственные «начала» исследуемого народа, которые следовало «отыскивать» в нравах, обычаях, «преимущественно в природно-религиозных верованиях и обрядах». Умственные качества (любопытство, понятливость, изобретательность, сообразительность, богатство и скудость воображения, «измеряемые объемом или недостатком народных сказок, песен и т.п.») предписано было рассматривать в степени развитости этих свойств. К признакам «нравственного развития» Надеждин относил тип преобладающего темперамента, а также господствующие «понятия» о «страстях и пороках, о добродетели и правде, ... представления о *нравственной* (выделено мной. – М. Л.) оценке их»⁹ в описываемой культуре. Как видим, автор инструкции вполне осознавал отличие между: а) мнением наблюдателя, б) его непосредственным впечатлением от изучаемого объекта и в) нормами и ценностями их обладателей – и требовал фиксации различий трех оценок. К этой же рубрике относился вопрос о восприятии изящного (народный тип красоты, любимые формы, пропорции и цвета)¹⁰. Нравственность в этом случае представляла таким же проявлением «духа народа», как и его нрав (темперамент).

Объяснение темперамента, как и другие этнические характеристики, осуществлялось в текстах через понятия «типичного» или «характерного». Темперамент оказывал воздействие на «соотношение между деятельностью и материальностью организма»¹¹, а его особенности, как считалось, формировались природой и имели физиологическое происхождение: «совокупность физиологических особенностей в человеке, обуславливающая образ восприятия и впечатлений и способ проявления себя во внешней деятельности»¹²; «физические или духовные типические свойства человека, обуславливающие известную возбудимость к впечатлениям... и способность воздействовать на... внешний мир»¹³.

Темперамент, таким образом, в гораздо большей степени, нежели характер, обусловлен физиологией, т.е. казался врожденной особенно-

⁷ Часть этнографическая... 1852.

⁸ Программа... 1890.

⁹ Часть этнографическая... С. 25-26.

¹⁰ Там же. С. 25.

¹¹ *Старчевский*. 1847-1855. Т. 10. С. 205.

¹² Настольный словарь. 1863-1866. Т. 3. 1866. С. 634.

¹³ *Гавкин*. 1894. С. 507.

стью человека или народа, при этом он оказывал влияние на психику индивида и этноса, поскольку определял ту область восприятия и поведения, которая не зависела от исторического прошлого или социального происхождения. Интересно трактовал данное понятие В. О. Ключевский, разделивший народный характер и темперамент. Второй, с его точки зрения, был жестко обусловлен природно-социальными факторами, и рассматривался историком как одна из форм проявления устройства общества, которое он определял как «историческую силу не в смысле какого-то специального людского союза, а просто как факт, что люди живут вместе и в этой совместной жизни оказывают влияние друг на друга». В коллективе качества отдельных личностей во взаимодействии друг с другом видоизменяются, и вырабатываются «преимущественно бытовые условия и духовные особенности, <...> совокупность которых составляет то, что мы называем *народным темпераментом*»¹⁴.

Темперамент в этнографических инструкциях и конкретных описаниях характеризовался без привычного гиппократовского выделения четырех видов, а через определения («живой», «вялый», «медленный», «жесткий» и т.п.). В этот период содержание понятия в русском языке упростилось: он объяснялся как «свойство, расположение духа человека, зависящее от его организации»¹⁵ или как «сложение человека и зависящие от того его душевные свойства»¹⁶. Но так или иначе темперамент понимался как врожденное качество психики человека или сообщества.

Нрав/характер в других этнографических программах

В созданной на основе надеждинской, но более детализированной Программе В. Д. Дабижи и А. А. Метлинского, нрав народа характеризуется в разделе «Степень народного развития». «Нравственное развитие» народа объединено с религиозным, а «умственное» следовало описывать отдельно, отвечая на вопросы о способностях, о понимании явлений природы; за ним следуют описания «художеств» и «произведений народного слова»¹⁷. Рассказ о народной нравственности должен был включать «характеристические очерки нравственных свойств и склонностей жителей известной местности; замечания о преобладающем темпераменте, о господствующих страстях и пороках». Пороки и добродетели рассматривались вне социального контекста и включали такие явления и

¹⁴ Ключевский. 1987. I. С. 39-40.

¹⁵ Михельсон. 1877. Т. 1. С. 490.

¹⁶ Новый словотолкователь... 1878. С. 253.

¹⁷ Дабижа, Метлинский. С. IV.

черты как «пьянство, лживость, хитрость, мстительность и другие, и местные понятия насчет степени преступности тех или иных действий»¹⁸.

Программы второй половины столетия ярко демонстрируют общность представлений об «умственных и нравственных способностях» (т.е. нраве/характере народа) как важнейшем этническом признаке. Впрочем, известен случай исключения этого пункта из вопросника для этнографического описания. С этой инициативой выступил первый секретарь Этнографического отдела ОЛЕАЭ А. Л. Дювернуа в 1868 г. «Опыт показал, – утверждал он, – что на последний вопрос трудно ожидать сколько-нибудь удовлетворительного ответа по многим причинам. Во-первых, нередко корреспонденты переносят свои случайные наблюдения над личностями на все племя и этим чрезмерно их обобщают. Во-вторых, нередко, не будучи по природе призваны к суждению о способностях и образовании других, корреспонденты в силу одной программы, вменяют себе это суждение в тяжелую обязанность. В-третьих, нередко ложно понятый патриотизм побуждает их панегирически восхвалять способности народа, а вопрос об образовании входит в явное противоречие с несомненными данными статистики»¹⁹.

Черты характера/нрава народа могли и полностью отождествляться с проявлениями темперамента. Например, в Программе 1890 г. в пояснении к разделу, посвященному описанию «умственных и нравственных» качеств, говорилось: «необходимо обращать внимание на те только свойства и наклонности ума и характера, которыми резко отличаются жители известной местности от их соседей. <...> Прежде всего нужно определить важнейшую *черту характера* (выделено мной. – М. Л.), живость или вялость его». Далее указаны возможные качества ума и эмоциональности: восприимчивость и впечатлительность, сдержанность и обдуманность, настойчивость и любознательность, внимательность, консерватизм или склонность к новым знаниям и т.п.²⁰.

Особое внимание уделено в Программе способу выявления психологических качеств: «Необходимо указывать на те обстоятельства, под влиянием которых принято то или другое направление наклонности народа, и вообще сложился весь его характер; <...> подобные объяснения должны основываться на фактах, а не на одних умозаключениях»²¹. Под

¹⁸ Там же. С. 13.

¹⁹ ЭО ОЛЕАЭ... 1868. С. 730.

²⁰ Программа... 1890. С. XLVIII-L.

²¹ Там же. С. XX.

«фактами» понимались этногенетические легенды, поговорки, постоянные эпитеты, а также черты, которые представляют собой этностереотипы. Последний раздел предусматривал возможность и обязательность изучения этнического характера, но не как части самосознания, а вновь – в качестве внешнепризнаковой характеристики. Методом верификации выступало сравнение с соседями.

Нрав и нравы

Представления о нраве народа в общей картине этнографических описаний на первый взгляд не претерпело серьезных изменений: термин по-прежнему употреблялся в сочетании «быт и нравы» народа, «типы и нравы» или «нравы и обычаи» в соответствии с начальной немецкоязычной калькой – в том же смысле, что и в конце XVIII – начале XIX в. Однако следует отметить некоторые нюансы значений, связанные с множественным и единственным числом. Слово «нравы» (лат. и англ. *mores*, нем. *Brauch*), используемое в форме множественного числа, определяло нормы поведения, обычаи, традиции, регламентирующие отношения между членами сообщества. Уже говорилось, что описание нравов включало как упоминание об обычаях, так и характеристику нравственного облика группы (сословия, народа).

Такое словоупотребление сохранялось довольно долго. В качестве примера приведем трактовку *нравов* в юриспруденции конца XIX – начала XX вв.: нравы составляют «вторую категорию социальных норм человеческого поведения», это — «сложившиеся в человеческом обществе правила, которые, подобно юридическим нормам, также имеют целью регулировать внешние поступки людей, обеспечить в обществе такое поведение его членов, которое было бы согласно с социальным идеалом», подчинение нравам — не подчинение индивида воле государства или установлениям государственной власти, а «сообразование его (идеала – *М. Л.*) с *воззрениями и вкусами того общества* (выделено мной. – *М. Л.*), к которому он принадлежит»²². Мотивами подчинения «нравам» служат психологические основания (страх нарушения), поэтому подчинение нравам покоится на «желании принадлежать тому общественному союзу, где они действуют».

Таким образом, «нравы» сближались, с одной стороны, с «обычным правом» и вообще всяким нормированием социального поведения, например, освященным традицией или религиозными обычаями, с дру-

²² *Хвостов*. 1905. § 13.

гой, могли пониматься как сфера идеалов, поведенческих норм и мировоззренческих установок, которые в XX в. получили наименование «этнос»²³. Именно с этим значением соотносится и понятие «нравоописание» в значении «этнография», указанном В. И. Далем²⁴.

Однако и в инструкциях Надеждина, и в этнографических работах 1850–60-х гг. все более активно использовался термин «нрав» в форме единственного числа. Наиболее полную трактовку этой формы можно найти в дефиниции В. И. Даля, который различал понятия «нрав человека» и «нрав народа». В основе определения – представление о нраве человека как об «одной половине или одном из двух основных свойств духа человека: ум и нрав образуют дух (душу). Ко нраву относятся: воля, любовь, милосердие, *страсти* (выделено мной. – М. Л.), а к уму: разум, рассудок, память»²⁵. Соединение нрава и ума в «дух» представляется весьма значимым, если учитывать описание в надеждинской программе «умственных и нравственных» свойств в одном разделе. Можно предположить, что в данном случае это дань романтическому «духу народа». К «умственному», по Далю, относятся «истина и ложь», к «нравственному» – добро и зло; нрав, таким образом, находится в определенной зависимости от понимания этических категорий.

«Нрав» означал также характер (человека) и обычай. При этом «нрав природный, естественный» отличался от нрава «выработанного, сознательного». Под словосочетанием «нрав народа» понимались «свойства целого народа <...> не столько зависящие от личности каждого, сколько от условно принятых, житейских правил, привычек, обычаев». Энциклопедический словарь 1863–1866 гг. также дифференцировал «нравы» и «нрав». «Нрав» определяется как синоним «характера», подчеркиваются его смысловые отличия от «нравов», трактуемых как «высшая форма образа жизни и отношений с другими или между собою, как целого народа, так и отдельного человека»²⁶. Нравы (обыкновения, привычки, нормы) и нрав как характер народа, безусловно, различались. Однако «нрав» мог быть описан в рубрике «нравы народа», являя собой элемент более общего понятия.

²³ «Этнос» – стиль жизни какой-нибудь общественной группы, общая ориентация какой-то культуры, принятая в ней иерархия ценностей, которая либо выражена эксплицитно, либо может быть выведена из поведения людей (*Оссовская*. 1987. С. 26.)

²⁴ *Даль*. 1880-1882. Т. 2. 1881. С. 558.

²⁵ Там же.

²⁶ *Настольный словарь...* Т. 2. 1864. С. 1034.

Необходимо выделить еще один круг значений, который породил много противоречий на уровне практики описаний народов, а именно: соотношение «нрава» и «нравственности». У Даля «нравственный» толкуется как противоположный телесному, плотскому, с одной стороны, и умственному, – с другой, а также как синоним душевного. Иначе говоря, определение «нравственный» связано с «нравом» не в значении «характера»²⁷. Хотя понятия «нравы» и «нрав» в строгом смысле не содержали моральных оценок (а лишь сведения о моральном идеале), однако зачастую понимались этнографами (особенно любителями) именно таким образом; и сегодня российские и зарубежные исследователи XIX в., обращаясь к текстам эпохи, воспринимают определения «нравственный» и «моральный» применительно к характеристике этносов как синонимы, что не всегда адекватно историко-культурному контексту²⁸. Конкретные очерки народов могли содержать представления о нравственности в разделе «нрав», но некоторые авторы понимали его только как «страсти» (то есть как темперамент) или соотносили совокупность элементов нрава с психологией – так называемой «общественной нравственностью». Содержание последней может служить примером противоречивой интерпретации термина в отношении к социальным (этническим, региональным и др.) группам. Так, в работах Ф. В. Булгарина (1840-х гг.) дается такое определение «племенной» нравственности: это «ум, душа и сердце народа»; чтобы описать ее, «необходимо нужно знать, как народ мыслил, как чувствовал, чему и во что верил, как понимал и объяснял отвлеченные предметы в каждую эпоху своей истории»²⁹. Вполне естественно поэтому, что нравственная жизнь народа отождествлялась с интеллектуальными, умственными проявлениями («идеями»): «нравственная жизнь народа состоит из *идей*, ... исследование их ведет к объяснению *жизни* народа. События и факты истории суть только *формы*, в которые влива-

²⁷ Даль. 1880–1882. Т. 2. С. 558.

²⁸ Например, в англоязычной научной литературе словосочетание «нравы и обыкновения» принято переводить как “morals and customs”, хотя корректнее было бы “tempers and customs”. Традиция такого перевода, вероятно, восходит еще к латинскому обозначению описаний народов такого рода – общепотребительным был термин “mores” (обычай, нравы). Однако более точным оказался, например, польский хронист XVI в. Я. Длугош, который использовал для описания польского характера слово “natura” (означавшее и природу, и нрав) – т.е. врожденные свойства темперамента. Интересно, что в современном польском языке «нравы» переводятся как “obyczaje”, а «нрав» – как “charakter”. Иначе говоря, как и в русском языке, сохраняется узкий и более адекватный смысл понятия «нрав» в его архаическом толковании.

²⁹ Булгарин. 1837. С. XI.

ется эта жизнь»³⁰. Такая «программа» изучения народной нравственности почти полностью совпадает с надеждинским толкованием нрава как этнокультурного признака, расширяя значение последнего.

Характер народа

В центре внимания исследователей русской народности в 1850–1890-е гг. находились отличительные черты духовной культуры, описываемые в этнографических программах в рубриках, относящихся к свойствам нрава /характера (с 1870-х – к «психологии») народа. Оба первых термина использовались издавна, начиная с XVIII в.³¹ как синонимичные, с той лишь разницей, что сторонники географического детерминизма подчеркивали врожденные и природно обусловленные свойства, а историки-позитивисты акцентировали внимание главным образом на социально-политических факторах его формирования. Это отчасти определило и традиции применения: позитивисты предпочитали использовать термин «характер», «детерминисты» – «нрав» и склонны были отождествлять его с темпераментом. Впрочем, о таком разделении смыслов можно говорить лишь как о тенденции, а не как о строго фиксированных областях словоупотребления. Лексема «характер» вплоть до конца века указывалась как заимствованная, а ее значение трактовалось как а) свойства души (синонимично «нраву», «норову») и б) отличительные черты или особенности чего-либо³². Заметим, что признаки темперамента, строго говоря, не включались в данное понятие, что также отчасти объясняет нюансы словоупотребления.

Российские историки уделяли пристальное внимание поиску условий и причин национального своеобразия. Так, В. О. Ключевский в своем курсе истории отличал «племенной характер» от «психологии» великоруса. Под вторым он понимал не статичные и неизменные черты характера, на которые влияют врожденные свойства темперамента и природно-климатические обстоятельства, а иную сферу – привычную логику *действий*, – в сфере хозяйственного быта, социальных отношений, а также в области воли и ожиданий. Следует отметить, что именно комплекс психологических черт историк именовал «национальным складом» или «национальным типом»³³, но не народным характером.

³⁰ Там же. С. X.

³¹ В научных сочинениях на русском языке одним из первых словосочетание «национальный характер» стал использовать И. Н. Болтин (*Болтин*. 1788. С. 5-12).

³² *Михельсон*. 1872. С. 324.

³³ *Ключевский*. 1987. VII. С. 316.

Н. И. Костомаров нрав народа расценивал как наиболее явное проявление сути народности. С ним он связывал проявления настроений, стремлений и идеалов «народной массы», но утверждал, что «нет ничего труднее объяснить, отчего образовался такой или иной народный характер, хотя он и высказывается всюю историческою жизнью народа. Трудность эта истекает оттого, что начала его обыкновенно восходят к тем отдаленным временам, о которых до нас не дошло сведений»³⁴. Историк был убежден в неизменности изначально сформированного «ядра» нрава, однако усматривал в его развитии возможность изменений.

С. М. Соловьев связывал отличия племенных характеров с «влечениями природы», под властью которых находятся многие люди и народы; он (как Кавелин, Ключевский и др.) подчеркивал, что нравственные добродетели (например, приписываемые древним славянским племенам) – общие для всех народов на определенном этапе, но под влиянием истории эти первоначальные качества могут значительно меняться. Развивая общеупотребительную метафору о варварском «детстве» европейских народов, Соловьев писал: «Тождественность явлений у варваров различных племен заставляет нас осторожно относиться к племенным и народным различиям, тем более что в младенце трудно уловить черты, которые будут характеризовать взрослого человека, выражающего в своем нравственном образе все многообразие условий, имевших влияние на окончательное определение этого образа»³⁵. Он полагал исторические обстоятельства гораздо более существенными для формирования этнокультурного своеобразия, нежели природные факторы.

Не только исследователи истории России разделяли идеи географического детерминизма в отношении нрава народов. Специалист по раннему европейскому средневековью С. В. Ешевский считал, что свойства племени являются врожденными, доказывал, что именно в них необходимо искать объяснения исторических явлений и подчеркивал «замечательную устойчивость племенного характера», который, однако, вполне способен, не изменяясь в своем ядре, впитывать чуждые обычаи, верования и т. п.³⁶ Н. И. Кареев был убежден, что «человеческие типы и темпераменты независимы от географических и этнических условий»³⁷, но признавал доминирование в их формировании исторического фактора³⁸.

³⁴ Костомаров. 1886. С. 20.

³⁵ Соловьев. 2004. С. 169.

³⁶ Ешевский. 2004. С. 61, 75.

³⁷ Кареев. 1883. Т. 2. С. 133-134.

³⁸ Кареев. 1876. С. 1.

Особенности характера и темперамента обнаруживали не только в этнических группах, но и в региональных и локальных общностях. Всеобщей была убежденность, например, в отличиях жителей различных великорусских губерний: ярославец объявлялся «самым смышленным, деятельным» и практичным, «простой и добродушный костромич легко подпадал под власть хитрого и расчетливого ярославца-подрядчика или хозяина»³⁹; крестьяне Калужской, Тульской и Рязанской губерний представляли тихими, неповоротливыми и грубоватыми⁴⁰. При этом описатели не видели никакого противоречия в том, что типичный великорус «приобретал» в их текстах иные черты: «много уклончивости, гибкости, способности применяться к каким угодно обстоятельствам», он «уживчив и подвижен», работает «живо, переходит от приема к приему»⁴¹.

Таким образом, видоизменяясь или будучи изъятым вовсе, вопрос о нраве не был отменен в принципе, но обрел более современные формулировки, в соответствии с «психологическим» направлением европейских антропологических исследований.

Психология народа

Рассматривая интерпретации психологических характеристик этносов, нельзя не упомянуть «признание» позитивизма психологической школы, сторонники которой стремились поставить психологию между биологией и социологией, исследуя эмоциональные, нравственные и интеллектуальные элементы цивилизации⁴². Идея взаимосвязи психического склада, который определялся биологическими и нравственными особенностями этнических групп (или племен) и социальной стороной их жизни, получила развитие в рассуждениях о предмете психологии как науки. Одним из первых поставил вопрос таким образом К. Д. Кавелин, обосновав в книге «Задачи психологии» (1872) идею анализа народной психологии (в том же значении, что и Надеждин) по этнографическим и историческим данным – памятникам культуры, мифологии, обрядности. Идеи Кавелина получили развитие, но лишь в рамках фольклористики, хотя во многом перекликались с пониманием задач исторической психологии Вундта, обоснованными позже – в 1886 г., поскольку их подверг резкой критике кумир позитивистов и непререкаемый авторитет в области психологии И. М. Сеченов.

³⁹ Лебедев. 1873. С. 64-65.

⁴⁰ Там же. С. 77.

⁴¹ Мостовский. 1874. С. 5-6.

⁴² Будилова. 1983. С. 10-44.

Различение народного характера и психологии для большинства исследователей, особенно имевших дело с письменными источниками, в целом не фиксировалось, оно не осмыслялось как значимое, потому многие использовали оба понятия как синонимичные. Для тех же, кто пытался определить содержание термина «психология» (не «психика») более точно, было очевидно, что оба явления описывают пересекающиеся, но не тождественные области человеческих проявлений. И тогда «психология народа» отделялась от простого перечня качеств сообщества и описывала сферу типических реакций, привычных норм социального поведения, эмоциональное состояние. Хотя неверно было бы утверждать, что такое понимание «психологии» было доминирующим, можно отметить некоторые отчетливо выраженные тенденции. Одна касается ограничения «психологии» повседневными, наиболее характерными проявлениями (ныне именуемыми стереотипами этнического поведения⁴³), которые неотрефлексированы представителями этнической группы и не могут быть объяснены традицией, религиозными представлениями или нормами обычного права. В этом смысле понимание этнической «психологии» сближалось с содержанием понятия «нрав народа» (врожденные свойства, темперамент, обусловленные климатом и этногенезом). Такая трактовка «психологии» умалчивала о сфере идеалов и ценностей, которые занимали исследователей «народности», опиравшихся на произведения народной словесности и мифологии.

А. П. Шапов – один из немногих историков 1860–80-х гг., стремившийся связать законы естествознания с общественной жизнью и историей народа, обосновав идею психического типа на примере русских, пришел к выводу, что сформировавшийся в России тип психофизиологических реакций обусловил неразвитость «теоретической мыслительности», медлительность (статичность) и стремление к коллективным формам ведения хозяйства. По его мнению, коренными первоначальными «мотивами» умственно-социальной истории русского народа были два свойства его нервной организации, обусловленные физиологическими и психическими законами: а) «общая посредственность, умеренность или медленность возбуждения нервной восприимчивости..., производимая влиянием холодного северного климата, частью всею предшествовавшей политической, социально-педагогической и физиолого-психологической историей русского народа» и б) особенная естественная предрасположенность его нервной чувствительности и восприимчивости к наиболее

⁴³ Байбурина. 1985. С. 7-18.

живому восприятию «только наиболее напряженных и сильных» внезапных впечатлений⁴⁴. Размышляя о ходе русской истории, Щапов призывал учитывать общие особенности нервной системы славянских народов, которые, как полагал он, состояли в нечувствительности и медленной раздражительности, сформированных холодным климатом. Специфику сложившихся родоплеменных отношений, особенности образования, религиозных воззрений, и даже отношений с инородцами (в частности, с финскими племенами и монголо-татарами) Щапов рассматривал через призму этих психических реакций. Отличительные русские свойства – такие как «леность, вялость», «сонливость, неподвижность, недеятельность», неразвитость «внутренней» (интеллектуальной) жизни, отсутствие общественной исторической энергии, а также «умственное развитие общества» – историк объяснял как борьбу врожденных и обусловленных климатом свойств темперамента с вызовами просвещения и цивилизации. Он считал, что русским удалось достичь очевидных успехов в этой борьбе – в отличие от еще более северных народов они смогли перебороть «неподвижность» ума и тела. Оригинальность концепции Щапова состояла в том, что он четко разделил психофизиологические свойства народа (на которые тот обречен природой) и характер, который может меняться под влиянием внешних факторов и под действием образования.

Если А. П. Щапов, возводивший национальные характеры к физиологии, апеллировал к общим закономерностям психических и физиологических реакций, обусловленных геоклиматически, то французские ученые, его современники, сводили своеобразие духа народа к расовым биологическим особенностям, причем в весьма прямолинейной трактовке: исторические судьбы народов полностью зависят от биологии составляющих их индивидов. Так, в 1890-е гг. большую популярность в области изучения психологии народов получили труды Г. Лебона, который строил свои положения, опираясь на заключения А. Гобино в «Опыте о неравенстве человеческих рас» (1853). Расовые, а вовсе не национальные отличия коллективного «духа» интересовали Лебона прежде всего. Он выделял четыре вида рас: первобытную, низшую, среднюю и высшую. Первые две обладают неустановившимся характером, чтобы достичь стадии «культурных народов», им необходимо развить волю и мышление. «Высшее» развитие этих качеств и ведет к формированию народного «характера». Одна из первых дискуссий, развернувшаяся среди российских ученых-антропологов в связи с

⁴⁴ Щапов. 1870. С. 149.

обсуждением сочинения Лебона «Психологические законы эволюции народов» (1894), может служить примером восприятия концепции национального характера в кругу исследователей-антропологов.

Идея о неизменности *расового характера* не была принята российскими антропологами, поскольку они придерживались мнения о том, что физический тип подвергается постоянным трансформациям, следовательно, и формируемые им психические особенности не могут оставаться постоянными⁴⁵. А характер представителей одной и той же расы меняется в зависимости от географических условий. Критике подверглась и неопределенность термина «народный характер», а Э. Ю. Петри заявил о неприемлемости классификации народов по характеру или силе воли. Обсуждение красноречиво свидетельствует о том, что для российских антропологов (во всяком случае, для петербургской школы) конца XIX в. антропологические признаки не считались доминирующими в установлении этничности, а идеи национального характера как расовой особенности казались архаическими. Однако не все отвергали существовавшие в этнографии постулаты о возможности сравнительного описания черт умственной и психической деятельности народов, активно прибегали к подобным сопоставлениям М. И. Кулишер и Д. Н. Анучин⁴⁶. Так, несмотря на стремление историков учитывать процессы развития этнических черт и признаков, в том числе и в отношении антропологического типа и нрава, продолжала доминировать концепция, исходящая из неизменности и устойчивости этих явлений во времени.

Полный отказ от представлений о существовании характера как признака расы, племени, народа или нации прозвучал в работе российского историка-слависта А. Л. Погодина. Он считал, что все эти теории «построены на совершенно субъективных допущениях, что все они проникнуты симпатиями или антипатиями к той или другой народности», и «в большинстве из них кроется мистическая вера в предназначение наций»⁴⁷. Отвергая наличие национальных особенностей нрава, он склонялся к идее объективности только «национального самосознания». Погодин утверждал, что оно является главным признаком общности, «своеобразным целым чувств и представлений, оказывающим своеобразное влияние»⁴⁸. Эти чувства и представления способны меняться в

⁴⁵ РАО. 1895. С. 43-53.

⁴⁶ Кулишер. 1887. С. 3; Анучин. 1907.

⁴⁷ Погодин. 1902. С. 86.

⁴⁸ Там же. С. 94-95.

ходе истории. Само национальное самосознание играет, по его мнению, бесспорную роль в образовании вкусов и идеалов сообщества, развивается же оно под влиянием внешних, а не внутренних причин (в частности, необходимости защищаться от врагов). В работе Погодина значим отказ не только от концепции национального нрава или характера, открывающий новый этап в научном осмыслении этноса, но и введение категории «национального самосознания». Последнее понимается как более высокая ступень, объединяющая представителей различных социальных групп общими чувствами и представлениями о себе и Других. Главным в ней является именно акцент на самописание и самоидентификацию индивида, этнических и национальных сообществ.

К концу XIX в. наметилась отчетливая тенденция к отказу от использования концепций нрава (характера) народа или, во всяком случае, к объяснению его формирования системными воздействиями, а не прямолинейной зависимостью от природы. Однако хорошо известно, что такое примордиалистско-биологизаторское понимание этнических феноменов и характера, в частности, в России, продолжилось и в XX веке – в трудах С. М. Широкогорова, Л. Н. Гумилева и других⁴⁹.

Практика описаний

Идея зависимости «нрава народа» от природных условий населяемой им области и во второй половине XIX в. по-прежнему выражалась в формулах французских энциклопедистов. Так, детально разработанная в их трудах идея зависимости черт этничности от климатических условий получила развитие и в трудах европейских антропогеографов. Прежние предположения о том, что народы «юга» отличает изнеженность, веселый нрав, любовь к роскоши, медлительность и леность, а также склонности к занятиям искусствами (в то время как суровые природные условия закаляют дух народов «севера»), делая их мужественными, суровыми, мрачными и жестокими, но наделяют их воинскими доблестями и талантами), теперь несколько видоизменяются.

Архаическая характерология довольно долго сохраняется в научной и популярной литературе, пока ее не сменяет научная концепция типологии нравов. Неизменными оставались общие представления о теплом или умеренном климате, благоприятном для земледелия и нрава населяющих эти зоны людей. Однако во второй половине XIX в. идеи противопоставления характеров северных и южных народов подверг-

⁴⁹ Рыбаков. 2001. С. 156-189.

лись некоторой корректировке – различие, впрочем, касалось лишь ракурса. Несмотря на детализацию этих представлений (выделены были типы «горцев», жителей равнин и тех, чей образ жизни был связан с морем) в период развития антропогеографических теорий А. Гумбольдта и К. Риттера, противопоставленные характеристики жителей севера и юга почти не претерпели изменений.

Новые акценты были обусловлены эволюцией географических методов описания и анализа, что изменяло понимание и использование пространственных категорий в целом. В XVIII в. и в начале XIX в. части света и связанные с ними оценки цивилизованности и характеристики нравов диктовались позицией наблюдателя, находящегося в Центральной Европе — его точка зрения определяла ориентиры так называемой «ментальной карты»⁵⁰; они легко поддавались изменению в зависимости от географического и идеологического «положения» наблюдателя. Поэтому оппозиции север / юг, запад / восток в эпоху романтизма легко меняли свое семантическое наполнение⁵¹, так же, как трансформировались цивилизационные коннотации в определениях Европы и Азии, граница между которыми мало соотносилась с географией, но играла значимую роль в оценках «развитости» обитающих там народов. Детерминирующим их описания стал миф о Европе, в котором «Азия» или «Сибирь» понимались в первую очередь метафорически, а «восток» и «запад» могли оказаться важными маркерами в идентификации «центрального» и «периферийного» в пространстве культуры.

С развитием в XIX в. страноведения эта точка отсчета (условного центра) помещается в границах каждой из стран, что приводит к обнаружению типологических особенностей Юга и Севера внутри них и позволяет обнаружить темпераментных «южан» и суровых и молчаливых «северян» среди представителей одной нации, народа и даже его «отрасли» (то есть субэтноса) – в различных регионах, особенно тяготеющих к окраинам. По этой причине в Российской империи «азиатами» могли называть как финно-угров (расовая принадлежность которых к монголоидам считалась в ту эпоху доказанной) или великорусов (из-за «финской» части их крови), так и поляков, – когда речь шла о сарматских элементах их культуры и нрава в сравнении с западноевропейскими. Эта

⁵⁰ Шенк. 2001.

⁵¹ О механизмах переориентирования ментальных карт в XVIII – начале XIX в. с оппозиции юг-север на запад-восток см.: Вульф. 2003; Шенк. 2001. С. 42-48.

детализация значима только в рамках одной общности, и символика данных ориентиров может не признаваться даже ближайшими соседями.

Нрав /характер /психология народа считались не только важным маркирующим признаком этнической общности, но (несмотря на дискуссии между историками и антропологами о степени их обусловленности природой и наследственностью) чаще всего воспринимались как неизменные свойства народа, подвергающиеся трансформации только в процессе физического или расового смешения (метисации). Такое объяснение нередко использовалось для обоснования пороков или добродетелей национального русского (великорусского) характера, причем весьма далекими друг от друга по научным взглядам и политическим убеждениям авторами – например, А. Мицкевичем в процессе трактовки славянских вариаций нрава (польского и русского) или И. А. Сикорским в патриотических теориях славянского этногенеза, а также русскими составителями этнографических очерков о финнах и великорусах. Но когда в популярных репрезентациях великорусов описывался процесс их образования посредством смешения славянских и финно-угорских племен, он не оценивался отрицательно, напротив, подчеркивалась устойчивость получившегося племенного типа как показатель «силы» народа⁵².

Большое значение придавалось «способности» этноса (группы) к государствообразованию и «склонности» к определенным политическим формам, которые складываются, как представлялось, на раннем этапе этногенеза. В этом контексте актуализировались как зависящие от географических условий особенности темперамента, так и свойства нрава (волевые импульсы, «способности», «устойчивость» к чужеземному влиянию или правлению). «Неспособными» к государствообразованию считались, в частности, финские народы. Д. И. Иловайский обосновывал концепцию, согласно которой «способность к политической организации, к общественной дисциплине составляет главное условие, чтобы быть народом государственным и потом уже народом культурным; ибо история не знает культурных народов вне государственных форм»⁵³.

Итак, термин «нрав народа» на протяжении века отчетливо эволюционирует, из категории классификации превращаясь в нормативное понятие, причем его содержание подвергается уточнению в связи с реф-

⁵² В частности, см.: *Редров*. 1867. С. XIII–XIV. Эта же идея содержится в помещенном здесь отдельной статьей выступлении С. М. Соловьева на Этнографической выставке 1867 г. в Москве (Там же. С. XXII–XXXIII).

⁵³ *Иловайский*. 1879. С. 174.

лексией по поводу степени объективности различных психических качеств этноса. Обоснованность понятия национальный нрав / характер не ставится под сомнение, но сопровождается размышлениями о двойственности его содержания и возможности различных – часто противоречащих друг другу – трактовок отдельных этнических свойств. При этом концепт «национальный характер» по-прежнему демонстрирует свою особую значимость, в т.ч. в идеологической и просветительской области.

Определение черт национального характера – даже в научном описании – представлялось в то время простой операцией: достаточно было привести мнения путешественников, исследователей, беллетристов. Главной процедурой стало внешнее наблюдение, поскольку этнография формировалась в поле географических дисциплин и человеческие сообщества рассматривались как результат воздействия естественно-географических факторов. Своеобразие этнических групп понималось в комплексе отличительных особенностей региона или ландшафта (вплоть до конца столетия), и потому к их изучению применялись те же методы, что и в естественных науках, с доминированием *описания* и *классификации* как главных таксономических процедур, реализуемых на основании перечня признаков и качеств объекта.

Еще одним важным принципом стало представление о соответствии внешних черт внутренним свойствам, что позволяло с легкостью «предугадывать» и даже прогнозировать ряд качеств на основании одного известного. Наконец, создается некоторая типология национальных характеров (характерология), в основе которой лежит идея взаимосвязи вида деятельности и складывающегося в ходе истории комплекса черт (земледельцы — в благоприятном климате и в неблагоприятных природных условиях, кочевники, мореплаватели, «горцы» и другие).

Славянские народы рассматривались как мирные пахари, которым изначально были присущи такие качества как трудолюбие, смирение, гостеприимство, консерватизм. Однако с ростом значимости исторического фактора складывается убеждение, что экономические и социальные изменения со временем внесли некоторые коррективы в этот изначальный тип: например, сербы и малорусы сохранили его в полной мере, а великорусы обрели «практицизм» и склонность к предпринимательству, присущую также татарам и армянам. Особое место в перечне свойств характера занимали нравственные качества (например, честность), наличие или отсутствие которых также вписано было в своеобразную «таблицу классификации», реконструируемую сегодня с использованием методов текстологического и терминологического анализа.

В период господства эволюционистских теорий в этнографии нрав как этнический признак, а точнее, его составляющие служили важным инструментом определения стадии развития этнической группы и наоборот. Эта взаимозависимость облегчала этническую, стадияльную и цивилизационную идентификацию: некоторые добродетели или пороки считались неотъемлемым свойством этапа «варварства», а фиксация какого-либо признака «патриархальности» приводила к обнаружению соответствующих свойств нрава. Противоречия в содержании ключевых понятий и способах использования привели к тому, что ученые, анализирувавшие собранный материал вместе с теоретиками-этнографами попытались освободиться от описаний качеств нрава как недостаточно репрезентативных. Свои рецепты предлагали сторонники эволюционизма в этнографии и позитивизма в истории. Однако ни те, ни другие не отвергали концепцию характера как воплощения духовного своеобразия народа, обоснованную Н. И. Надеждиным. Только введение термина «национальное самосознание» могло разрешить ряд противоречий, но для этого необходимо было (как предлагали А. Л. Погодин и В. Д. Спасович) обратиться к представлениям самого объекта этнографического исследования, то есть к его самоидентификации.

В конце XIX в. складывается несколько важных тенденций: 1) бóльшим значением для процесса формирования этнического характера наделяются исторические условия; ставится под сомнение возможность объективного его изучения; 2) центральным звеном в определении «духовной культуры» становятся фиксируемые визуально умственные, нравственные качества, темперамент (нрав), нормы коммуникации.

Неясность формулировок, отождествление характера и темперамента, нерасчлененность свойств интеллекта и «психических особенностей» способствовали произвольному обнаружению этих качеств в исследуемом этническом объекте. Не только научные, но и, тем более, обыденные взгляды на этническое включали убежденность в объективно существующих отличиях в характере народов, поэтому стремление увидеть их при первом же знакомстве с культурой и жизнью Других легко реализовывалось. То, что в путевых заметках могло быть воспринято как первое впечатление или результат размышлений автора, в этнографических описаниях приобретало статус научного знания. Апологизация «научности», впрочем, была характерной и универсальной приметой времени, и обладала значительным потенциалом «долговечности»⁵⁴.

⁵⁴ *Соколовский. 1993. С. 9.*

БИБЛИОГРАФИЯ

- Анучин Д. Н. Япония и японцы. Географический, антропологический и этнографический очерк. М., 1907.
- Байбурун А. К. Некоторые вопросы этнографического изучения поведения // Этнические стереотипы поведения. Л.: Наука, 1985. С. 7–18.
- Болтин И. Н. Примечания на Историю древняя и нынешняя России г. Леклерка, сочиненная генерал-майором Иваном Болтиным. В 2-х тт. СПб., 1788. Т. 1.
- Будилова Е. А. Социально-психологические проблемы в русской науке. М.: Наука, 1983.
- Булгарин Ф. Введение // Иванов Н. А., Булгарин Ф. В. Россия в историческом, географическом и литературном отношении. Ручная книга для русских всех сословий Ф. Булгарина. В 6-ти ч. Ч. 1: Истории часть первая. СПб., 1837. С. XII–XVIII.
- Вулф Л. Изобретая Восточную Европу. М., НЛЮ, 2003.
- Даль В. И. Словарь живаго великорусскаго языка. В 4-х тт. СПб.–М., 1880–1882.
- Ешевский С. В. О значении рас в истории (1862) // Русская расовая теория до 1917 года. Сборник оригинальных работ русских классиков / Под ред. В. Б. Авдеева. В 2-х вып. Вып. 1. М., 2004. С. 55–109.
- Заседание 28 октября 1894 г. // Русское антропологическое общество при Санкт-Петербургском университете. Протоколы заседаний 1893–1894 гг. СПб, 1895. С. 43–53.
- Иловайский Д. И. о некоторых этнографических наблюдениях (по вопросу о происхождении государственного быта) // Антропологическая выставка 1879 года. Т. 3. Ч. 1. Пятое заседание ОЛЕАЭ от 11 апреля 1879 г.
- Кареев Н. И. Основные вопросы философии истории. В 2-х тт. М., 1883.
- Кареев Н. И. Расы и национальности с психологической точки зрения. Воронеж, 1876. Карманный словарь иностранных слов / Сост. Н. Гавкин. Киев, Харьков, 1894.
- Ключевский В. О. Курс русской истории. Часть первая. Лекция I // Ключевский В. О. Собр. соч. В 9-ти тт. М., 1987–1990. Т. I. М., 1987. С. 33–48.
- Ключевский В. О. Курс русской истории. Часть первая. Лекция XVII // Ключевский В. О. Собр. соч. Т. I. С. 295–317.
- Костомаров Н. И. Последние годы Речи Посполитой. Т. I // Исторические монографии и исследования Н. Костомарова. В 20 тт. СПб., 1863–1889. Т. 17. СПб., 1886.
- Кулишер М. И. Очерки сравнительной этнографии и культуры. СПб., 1887.
- Лескинен М. В. Поляки и финны в российской науке второй половины XIX в.: «Другой» сквозь призму идентичности. М., Индрик, 2010.
- Михельсон А. Д. 30.000 иностранных слов вошедших в употреблении в русский язык с объяснением их корней. М., 1872.
- Михельсон А. Д. Объяснение всех иностранных слов (более 50.000), вошедших в употребление в русский язык с объяснениями их корней. Изд. 7-ое. В 2-х тт. М., 1877.
- Мостовский М. Этнографические очерки России. М., 1874. С. 5–6.
- Надеждин Н. И. Об этнографическом изучении народности русской // Записки Русского географического Общества. 1847. Кн. 2. С. 61–115.
- Настольный словарь для справок по всем отраслям знания (Справочный энциклопедический лексикон). В 3-х тт. СПб., 1863–1866.

- Новый словотолкователь 43.000 иностранных слов, вошедших в русский язык. Необходимая настольная книга для всех сословий. М., 1878.
- Оссовская М.* Рыцарский этос и его разновидности // *Оссовская М.* Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали. М., Прогресс, 1987. С. 25–176.
- Погодин А. Л.* К вопросу о национальных особенностях // *Погодин А. Л.* Сборник статей по археологии и этнографии. СПб., 1902. С. 87–99.
- Программа для собирания сведений по этнографии. Императорское русское географическое общество // *Живая старина*. 1890. № 1. Раздел II. С. XLVII–LII.
- Программа для этнографического описания губерний Киевского учебного округа, составленная по поручению Комиссии, высочайше утвержденная при Университете святого Владимира, действительными членами Князем В. Д. Дабичею и (по языку) А. А. Метлинским. Киев, 1854.
- Протокол второго заседания Этнографического отдела при ОЛЕАЭ от 20 апреля 1868 г. // *Московский университетский вестник*. 1868. № 8. С. 726–736.
- Рабинович М. Г.* Ответы на программу Русского Географического Общества как источник для изучения этнографии города // *Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии*. Вып. V. Л., Наука, 1971. С. 36–61.
- Речь, сказанная господином С. Соловьевым по случаю этнографической выставки в Москве // *Руководство к изучению русской земли и ее народонаселения*. По лекциям М. Владимирского–Буданова сост. и издал преподаватель гимназии во Владимирской киевской военной гимназии А. Редров. Киев, 1867. С. XXII–XXXIII.
- Руководство к изучению русской земли и ее народонаселения*. По лекциям М. Владимирского–Буданова сост. и издал преподаватель гимназии во Владимирской киевской военной гимназии А. Редров. Киев, 1867.
- Рыбаков С. Е.* Философия этноса. М., 2001. *Соловьев С. М.* Наблюдения над исторической жизнью народов // *Соловьев С. М.* Наблюдения над исторической жизнью народов. М., 2004. С. 3–254.
- Соколовский С. В.* Этнографические исследования: идеал и действительность // *Этнографическое обозрение*. 1993. № 2. С. 3–13.
- Справочный энциклопедический словарь*, издающийся под ред. А. Старчевского. В 12–ти тт. (13–ти кн.). СПб., 1847–1855.
- Учебная книга географии*. Российская империя. Курс гимназический / Сост. Е. А. Лебедев. СПб., 1873.
- Хвостов В. М.* Общая теория права. Элементарный очерк. М., 1905.
- Часть этнографическая (*Надеждин Н. И.*) // *Свод инструкций для Камчатской экспедиции, предпринимаемой Императорским Российским Географическим Обществом*. СПб., 1852. С. 17–30.
- Шенк Б.* Ментальные карты. Конструирование географического пространства в Европе со времени эпохи Просвещения // *Новое литературное обозрение*. 2001. №6(52). С. 42–61.
- Щапов А. П.* Естественно-психологические условия умственного и социального развития русского народа // *Отечественные записки*. 1870. № 3. Отд. 1. С. 149–202.
- Лескинен Мария Войттовна* – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Отдела истории культуры славянских народов Института славяноведения РАН; marles70@mail.ru